

КАНТ И ЭТИКА COVID

О. Зензен¹

Несмотря на популярность многих этических понятий Канта, таких как автономия, достоинство и уважение личности, даже среди его исследователей бытует мнение, что из кантовской моральной философии невозможно достоверно вывести конкретные обязанности. Возражая этому, я буду утверждать, что правильно понятая, этика Канта и сегодня имеет первостепенную важность. Я докажу, что предпочитаемая Кантом процедура на самом деле является тем способом, с помощью которого мы выработали новые этические правила во время недавней пандемии коронавируса. Чтобы это продемонстрировать, я сначала размышляю о том, как мы пришли к таким этическим правилам, как соблюдение дистанции, ношение маски или ограничение количества людей, которые могут находиться в комнате одновременно. Затем я укажу причины, по которым не придерживаюсь стандартных интерпретаций относительно выведения конкретных обязанностей из основной формулировки категорического императива или «формулы человечности» Канта. Наконец, я приведу текстуальные свидетельства того, что Кант предложил метод, подобный тому, которым мы пользуемся сегодня во время пандемии, и докажу, что эта альтернативная интерпретация способна гораздо лучше противостоять основным возражениям, выдвигаемым обычно против стандартной интерпретации кантовской процедуры выведения конкретных обязанностей из категорического императива.

Ключевые слова: Кант, COVID, категорический императив, формула человечности, КИ-процедура, этика пандемии, коронавирус

¹ Философский факультет, Тулейнский университет, США, LA 70118, Новый Орлеан, Сент-Чарльз авеню, д. 6823.

Поступила в редакцию: 16.12.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-5

KANT AND COVID ETHICS

O. Sensen¹

Despite the popularity of many of Kant's ethical notions, such as autonomy, dignity and respect for persons, there is a perception, even among Kant scholars themselves, that one cannot reliably derive concrete duties from Kant's moral philosophy. Against this, I shall argue that – properly understood – Kant's ethics is of prime importance even today. I shall argue that Kant's preferred procedure is actually the way we develop new ethical rules during the recent Coronavirus pandemic. In order to demonstrate this, I shall first reflect on how we came up with ethical rules such as keeping six feet of distance, wearing a mask, or restricting the number of people who can occupy a room at the same time. I shall then give the reasons why I do not follow the standard interpretations of how one derives concrete duties from Kant's main formulation of the Categorical Imperative or the Formula of Humanity. Finally, I shall present the textual evidence that Kant proposes a method like the one we use today during a pandemic, and argue that this alternative interpretation can deal much better with the main objections that are commonly levelled against the standard interpretation of Kant's procedure to derive concrete duties from the Categorical Imperative.

Keywords: Kant, Covid, Categorical Imperative, Formula of Humanity, CI-procedure, pandemic ethics, Coronavirus

¹ Department of Philosophy, Tulane University.
6823 St Charles Ave, New Orleans, LA 70118, USA.
Received: 16.12.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-5

Введение

Какова актуальность этики Канта сегодня? Насколько важна его философия для нашей сегодняшней жизни?

Можно утверждать, что «формула человечности» Канта очень важна и востребована: «*Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» (AA 04, S. 429; Кант, 1997а, с. 169). Эта формула является важным опорным пунктом при обсуждении вопросов биомедицинской этики (см.: Beauchamp, Childress, 1994, p. 125), прав человека (см.: Griffin, 2008, p. 151–157) или конституции государств, в преамбулу которых включено понятие достоинства (см.: Grundgesetz, 1958). Кроме того, эта формула, по-видимому, отражает конкретную повседневную проблему, которая звучит так: «Он просто использовал меня».

Однако нет единого мнения о том, что именно нужно делать и от чего воздерживаться, чтобы следовать этой формуле. Кантоведы, пытающиеся найти четкую процедуру применения формулы человечности, приходят к выводу, что она больше напоминает шантаж, чем надежное руководство к действию (Allison, 2011, p. 232; Wood, 1999, p. 143; Kerstein, 2013). Еще более жесткий отклик вызывает основная формулировка категорического императива Канта: «*поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом*» (AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 143). После публикации Кантом «Основоположения к метафизике нравов» основная формулировка подвергалась критике как пустая и неспособная предоставить конкретные указания (см.: Tittel, 1786, S. 33; Гегель, 1990, с. 176–177 (§135); Timmerman, 2007, p. 82).

Чему же Кант может научить нас сегодня, например во время глобальной пандемии? В начале вспышки коронавирусной инфекции 2020 года перед обществом встали новые этические вопросы. Этическая задача имела различные

Introduction

What is the contemporary relevance of Kant's ethics? How important is his theory for our lives today?

One could argue that Kant's Formula of Humanity is important and popular: "*So act that you use humanity, whether in your own person or in the person of any other, always at the same time as an end, never merely as a means*" (GMS, AA 04, p. 429; Kant, 1996a, p. 80). The formula is an important reference point in discussions of biomedical ethics (cf. Beauchamp and Childress, 1994, p. 125), human rights (cf. Griffin, 2008, pp. 151-157), or the constitution of states that have dignity in their preamble (cf. Dürig *et al.*, 1958). The formula also seems to capture a particular everyday complaint, i.e. 'he was just using me'.

However, there is no agreement what exactly one has to do and refrain from doing in order to abide by the formula. Kant scholars who try to find a clear procedure for applying the Formula of Humanity conclude that it is more like an extortion than a reliable guide (Allison, 2011, p. 232; cf. Wood, 1999, p. 143; Kerstein, 2013). The verdict is even stronger for Kant's main formulation of the Categorical Imperative: "*act only in accordance with that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law*" (GMS, AA 04, p. 421; Kant, 1996a, p. 73). Since the publication of Kant's *Groundwork*, the main formulation has been criticised as being empty and unable to give concrete guidance (cf. Tittel, 1786, p. 33; Hegel, 1991, pp. 162-163 (§135); Timmerman, 2007, p. 82).

What, then, does Kant have to teach us today, e.g., during a global pandemic? At the beginning of the 2020 Coronavirus outbreak, societies were faced with new ethical questions. There were different aspects to the ethical

аспекты. Например, больницы столкнулись с нехваткой мест в отделениях интенсивной терапии, медицинского персонала и аппаратов искусственной вентиляции легких; позже встал вопрос о том, кто должен первым получить доступ к вакцинам². Но были и вопросы, касающиеся повседневного поведения. Так, во многих обществах были введены правила не обмениваться рукопожатиями, держаться на расстоянии полутора метров (или около того) друг от друга, ограничить количество людей на встречах, носить маски в общественных местах и т. д.

В этой статье я рассматриваю последний из перечисленных аспектов пандемии. Столкнувшись с новой угрозой, общества придумали новые правила среднего уровня, часто соблюдаемые юридически, но также рассматриваемые как моральные стандарты. Может ли этика Канта сказать что-нибудь об этом? Можно подумать, что Кант вообще не является частью этой дискуссии. Те рекомендации, которые он нам предлагает, в лучшем случае слишком общие: «не относись к другим как к средству, но помогай другим» (см.: AA 04, S. 429–430; Кант, 1997а, с. 169–171), а в худшем — пустые или ненадежные.

Против этого общего мнения я буду утверждать, что процедура, с помощью которой мы действительно приходим к правилам среднего уровня (таким, как «соблюдай дистанцию в полутора метра»), — это метод, который Кант рекомендует для выведения правил второго уровня (таких, как «не давай ложных обещаний») на основе категорического императива. Для того чтобы аргументировать эту точку зрения, я сперва представлю общее описание этого метода (раздел 1). Затем я рассмотрю и отвергну стандартный способ, которым принято описывать эту процедуру (раздел 2), а также формулу человечности Канта (раздел 3), после чего представлю доказательства альтернативной интерпретации кантовского текста (раздел 4). Наконец, я философски обосную альтернативный метод, демон-

problem. For instance, hospitals faced shortages of Intensive Care Units (ICU) beds, medical staff, or ventilators; later it became a question of who should have first access to vaccines.² But there were also questions for the conduct in our everyday lives. For instance, many societies implemented rules of not shaking hands, keeping six feet (or so) distance from each other, limiting the number of people at gatherings, wearing masks in public and so forth.

In this article, I am interested in the latter aspect of the pandemic. Faced with a new threat, societies produced new, mid-level rules that often were enforced legally, but were also considered to be moral standards. Does Kant's ethics have anything to say about those? One could think that Kant is not really part of this discussion. The guidance he gives us is in the best case too general: 'do not treat others as mere means but help others' (*cf.* *GMS*, AA 04, pp. 429-430; Kant, 1996a, pp. 80-81) — and empty or unreliable in the worst.

Against this general suspicion I shall argue that the procedure in which we actually engage with mid-level rules (such as 'keep six feet of distance') is the one that Kant recommends for deriving mid-level rules (such as 'do not make a false promise') from the Categorical Imperative. In order to argue for this point I shall first provide a general sketch of that method (Section 1). I shall then discuss and put aside the standard way in which Kant's own procedure is generally portrayed (Section 2), as well as Kant's Formula of Humanity (Section 3), before I present the textual evidence for an alternative Kant interpretation (Section 4). Finally, I shall defend the alternative method philosophically by showing that it can fare better against the objections that are commonly raised against the standard view (Section 5).

² Об этом см.: (Альтман, 2022).

² On these issues see Altman (2022).

стрируя, что он лучше справляется с возражениями, которые обычно выдвигаются против стандартной точки зрения (раздел 5).

1. Ковидные правила

Как мы можем разработать новое этическое правило — например, соблюдать социальную дистанцию в полтора метра во время пандемии? Можно подумать, что эта процедура строго утилитарна. Возможно, мы просчитываем, что принесет максимальную пользу, и внедряем наиболее полезное правило для защиты нашего здоровья и обеспечения выживания.

Однако я считаю, что мы поступаем не совсем так. Справедливости ради следует отметить, что большая часть наших расчетов — это оценка выгоды. Также можно утверждать, что в условиях необходимости сортировки — при нехватке медикаментов и оборудования в чрезвычайных ситуациях — наше мышление склоняется к утилитаризму (Альтман, 2022). Но я не думаю, что выбор правил среднего уровня, таких как соблюдение социальной дистанции, исключительно утилитарно.

Начнем с наименее спорного момента: наши рассуждения не укладываются в классическую утилитарную модель. Причина этого в том, что классическая модель ориентирована на счастье и в основном касается субъективной удовлетворенности индивида. Это верно, если понимать счастье как удовольствие (Бентам, 1998, с. 9) или как удовлетворение желаний или предпочтений (Harsanyi, 1982). Наши рассуждения о COVID в большей степени ориентированы на объективное представление о счастье. Мы стремимся защитить такие ценности, как жизнь, здоровье, общественные связи или функционирование экономики.

Но, конечно, это не будет существенным различием. Можно быть консеквенциалистом и придавать значение только последствиям наших поступков и принципов, при этом оценивая положение дел с точки зрения объектив-

Section 1: Covid Rules

How do we produce a new ethical rule, e.g. keeping six feet of distance during a pandemic? One could think that the procedure is strictly Utilitarian. Maybe we calculate what would maximise the benefits, and implement the most beneficial rule to protect our health and survival.

However, I do not think that this is quite how we proceed. To be fair, much of our calculations are a benefit analysis. One could also argue that in a triage situation — when there is a shortage of medicines and equipment in emergency situations — our reasoning tends to be Utilitarian (*cf.* Altman, 2022). But I do not think that the selection of mid-level rules, such as keeping six feet of distance, is wholly Utilitarian. To start with a less controversial point, our reasoning does not fit the classical Utilitarian model. This is because the classical version focuses on happiness and is mostly concerned with the subjective satisfaction of the individual. This is so if one understands happiness as pleasure (*cf.* Bentham, 1970, pp. 11-12) or the satisfaction of desires or preferences (*cf.* Harsanyi, 1982). Our Covid calculations focus more on an objective list of happiness. We try to protect values such as survival, health, social ties or the functioning of the economy.

But, of course, this would not be an essential difference. One could be a consequentialist, and attach value just to the state of affairs as consequences to our actions and policies, but evaluate the state of affairs in terms of an objective list of values (such as health, survival, social ties etc.) rather than subjective happiness. In other words, one could be a health consequentialist, for instance.

However, more importantly, I do not think that this adequately describes the procedure of

ного перечня ценностей (таких, как здоровье, жизнь, общественные связи и т. д.), а не субъективного счастья. Другими словами, можно быть, например, последовательным защитником здоровья.

Но что еще важнее, мне не кажется, что это адекватное описание процедуры выбора новых моральных правил. Причина в том, что консеквенциализм нейтрален к агентам: он сосредоточен на последствиях и абстрагируется от средств, позволяющих нам их добиться. Цель оправдывает средства. Например, во время пандемии было бы более полезно поместить всех людей с низким риском заболеть на две недели в специализированные поселения, заразить их и тем самым быстро выработать общественный иммунитет. Результат мог бы даже оправдать принесение в жертву людей, имеющих высокую вероятность пострадать от болезни. Но ни один из этих методов не был нами выбран.

Кто-то мог бы возразить, что это несправедливая характеристика консеквенциалистской позиции. Консеквенциалист вполне может учесть негативную реакцию людей на принудительные инфицирующие поселения либо массовые жертвы и воздержаться от применения подобных методов из-за этого. В числе ценностей, которые оценивает консеквенциалист, могут быть не только здоровье, но также гражданский мир и благополучие людей. Тем не менее подобные методы необязательно будут иметь негативные последствия. Например, студенты с низким уровнем риска, живущие в общежитиях, могли бы предпочесть провести две недели вместе и не посещать занятия, а не уезжать из кампуса домой. Также было бы дешевле предоставить бесплатный отпуск в каком-нибудь курортном месте другим группам населения с низким уровнем риска. Но даже если таким образом можно было бы быстро создать групповой иммунитет без негативных социальных издержек, это не являлось нашей основной целью.

selecting new moral rules. The reason is that consequentialism is agent-neutral: it focuses on the outcomes, and abstracts from the means of how we get there. The ends justify the means. During a pandemic it could be more beneficial, for instance, to put all the people who are low risk in camps for two weeks, infect them, and thereby quickly create herd immunity. The outcome could even justify sacrificing the people who have a high risk of being harmed by the disease. Neither of these methods is the course we followed.

One could object that this is an unfair characterisation of a consequentialist position. A consequentialist could take the negative reactions people would have against forced infection camps and mass sacrifice into account and refrain from these methods because of it. Among the values that the consequentialist calculates might not just be health, but also civil peace and the contentment of people. However, these methods would not necessarily have the negative effects. For instance, on college campuses low-risk students might have preferred to spend two weeks together in their dorms without classes rather than having to leave campus for home. It also might have been cheaper to give other low-risk parts of the population a free vacation in a holiday spot. But even if, in this way, one could have quickly created herd immunity without adverse social costs, this was not our actual focus.

Rather, the focus was on what particular agents should and should not do to protect their particular goods. The procedure was agent-relative: How should one behave if one encounters another human being? Rules such as keeping six feet of distance, not shaking hands, wearing a mask etc. all focused on the particular relation between two (or more) agents.

Скорее, внимание было сосредоточено на том, что конкретные агенты должны и не должны делать для защиты своих конкретных благ. Процедура была соотносима с агентом: как следует вести себя, если человек сталкивается с другим человеком? Такие правила, как соблюдение социальной дистанции, отказ от рукопожатий, использование защитной маски и т. д., были ориентированы на конкретные отношения между двумя (или более) агентами.

Таким образом, не будучи конвенционалистом, я полагаю, что процедура была скорее следующей. (1) Сначала мы определили основные цели человека, такие как жизнь, здоровье, общественные связи, экономическая стабильность и т. д. Это не означает, что все люди в действительности разделяют эти цели. Существуют люди с отклоняющейся от нормы психикой — например, те, кто жаждет смерти или желает узнать, как чувствует себя заболевший. Однако в целом всеобщие цели — это ценности, которые можно смело приписывать другим человеческим существам. Ведь если бы все остальные условия были равны, люди хотели бы жить, быть здоровыми, иметь дружеские отношения и быть материально обеспеченными.

(2) Затем мы выработали правила среднего уровня, защищающие или способствующие достижению этих целей. В течение долгого времени в истории человечества эти правила определялись деревенскими старейшинами или духовными лидерами. Сегодня же мы считаем, что лучший способ разработки подобных правил — это научная экспертиза. Наука объясняет нам, будет ли распространение болезни снижено, если мы будем соблюдать дистанцию в полтора метра или ограничим число людей в маленьком помещении и т. д.

Иногда такие правила позволяют установить баланс между конфликтующими целями человека. Например, для сдерживания распространения болезни было бы гораздо эффективнее, если бы в помещении всегда находился только один человек. Однако наша потребность в социальных отношениях может заста-

So, rather than being consequentialist, I believe the procedure was more like the following:

(1) We first identify basic human ends such as survival, health, social ties, economic stability etc. This does not mean that everyone actually endorses these ends. There could be people with an abnormal psychology, for instance, someone who has a death wish or wants to know how the disease feels like. But, overall, the universal ends are values which we can safely ascribe to another human being. Other things being equal, people want to survive, be healthy, have friendships and be financially secure. (2) We then produce mid-level rules that protect or promote these ends. For the longest time in human history, these rules were selected by village elders or spiritual leaders. Today we believe that the best way to come up with these rules is by peer-reviewed science. Science tells us whether the spread of the disease is sufficiently diminished if we keep six feet of distance, or limit the number of people in a small room etc.

Sometimes these rules strike a balance between conflicting human ends. For instance, it could be much better for limiting the spread of the disease if at all times one allows there to be only one person in the room. However, our need for social ties might make it necessary to find a compromise — a good balance that protects several ends in the best way we can find. The balance of different values is not totally a scientific question. Different cultures might value certain ends differently. Covid rules differ in France and Sweden. Some cultures might for instance value social ties more than others.

In this way, science is in the service of the cultural ordering of our basic human ends. The mid-level rules can also change. Our sci-

вить нас искать компромисс — оптимальный баланс, защищающий несколько целей наилучшим образом. Вопрос о балансе различных ценностей не является в полной мере научным. В разных культурах некоторые цели могут оцениваться по-разному. Так, ковидные правила различны для Франции и Швеции. Например, в некоторых культурах социальные связи могут цениться больше, чем в других.

Так наука служит культурному упорядочиванию наших главных человеческих целей. Правила среднего уровня тоже могут изменяться. Наши научные знания со временем могут становиться всё лучше, а болезни мутировать, так же как и наша система ценностей со временем может измениться.

(3) Третий компонент нашего современного подхода — это четкое требование не нарушать правила среднего уровня (в случае равенства прочих условий). Правила среднего уровня выбираются таким образом, чтобы быть применимыми ко всем в равной степени. В противном случае они несправедливы. Но это не значит, что не может быть исключений. Если в конкретном случае соблюдение правила поставит под угрозу основную человеческую цель, которую оно призвано защищать, то действие правила приостанавливается. Например, если в обществе действует правило среднего уровня — носить маску, но при этом вы столкнулись с человеком, которому для выживания требуется сердечно-легочная реанимация, то снять маску кажется вполне допустимым. В конце концов, это правило призвано защитить жизнь. Однако не стоит делать исключений по менее веским или вовсе не имеющим значения причинам.

Этот метод, как я утверждаю, используется Кантом для выведения конкретных обязанностей из основной формулировки категорического императива (КИ): *«поступай так, как если бы максима твоего поведения по твоей воле должна была стать всеобщим законом природы»* (AA 04, S. 421; Кант, 1997а, с. 145) Впрочем, в кантоведческой литературе эта процеду-

entific insight might become better over time; the cause of the disease might mutate; or we might adjust the ordering of our values over time.

(3) The third element of our contemporary procedure is the explicit requirement not to violate the mid-level rules (other things being equal). The mid-level rules are selected to be valid for all equally. Otherwise, they may be unfair. But this does not mean that there could never be an exception. If, on a particular occasion, abiding by the rule would endanger the basic human end it is meant to protect, then the rule is suspended. For instance, if there is a mid-level rule to wear a mask in public, but you meet with a person who needs Cardiopulmonary Resuscitation (CPR) to survive, then it seems permissible to take off the mask. After all, the rule is meant to protect life. But one should not make an exception to the rule for lesser or no further reasons.

This method, I shall argue, is also Kant's way of deriving concrete duties from the main formulation of the Categorical Imperative: "act only in accordance with that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law" (GMS, AA 04, p. 421; Kant, 1996a, p. 73) However, this is not how the procedure is commonly understood in the Kant literature, and so I shall first present the reasons why we should not merely assume the standard interpretation (Section 2) before I give textual evidence that Kant actually confirms our contemporary procedure (Section 4).

Section 2: The Standard Reading of Kant

It is common to read Kant's procedure as a version of the question: "What if everyone did that?" Scholars propose different ver-

ра не всегда понимается именно так, поэтому я сначала изложу причины, по которым мы не должны просто принимать стандартную интерпретацию (раздел 2), а затем приведу текстовые свидетельства в подтверждение того, что Кант действительно придерживался современной нам процедуры (раздел 4).

2. Стандартное прочтение Канта

Обычно кантовскую процедуру выведения конкретных обязанностей воспринимают как версию вопроса: «А что, если бы все так поступали?». Ученые предлагают различные версии этой схемы³. Но существует одна базовая структура, характерная для большинства трактовок: (i) сперва человек определяет собственную максиму или предполагаемый план действий, например: «если я полагаю, что нахожусь в денежной нужде, я буду занимать деньги и пообещаю их уплатить, хотя бы и знал, что никогда этого не сделаю» (AA 04, S. 422; Кант, 1997а, с. 147). (ii) Далее человек проводит мысленный эксперимент и представляет, что все остальные придерживаются той же максимы. (iii) Если в результате мысленного эксперимента возникает противоречие в понимании максимы или в воле человека, значит, максима морально недопустима (Rawls, 2000, p. 167–170). Поскольку эта интерпретация получила столь широкое признание, я буду называть эту процедуру КИ стандартной перспективой.

В данном разделе прежде всего я озвучу философские причины, по которым я не придерживаюсь стандартной интерпретации Канта. Исследователи настолько привыкли к стандартной процедуре КИ, что мне придется сначала объяснить, почему я ей не следую. Более двухсот лет специалисты по Канту пытались защитить этот метод и заставить его работать. Я не утверждаю, что его невозможно использовать. Но мне неизвестна такая его интерпре-

sions of this procedure.³ But there is one basic structure that is common to most of the readings: (i) One first identifies one's own maxim or proposed plan of action, e.g.: "when I believe myself to be in need of money I shall borrow money and promise to repay it, even though I know that this will never happen" (GMS, AA 04, p. 422; Kant, 1996a, p. 74). (ii) One then performs a thought experiment and imagines that everyone else also holds the same maxim. (iii) If the thought experiment yields a contradiction in the conceiving of the maxim or in one's will, then the maxim is morally impermissible (cf. Rawls, 2000, pp. 167-70). Because this interpretation is so widely accepted, I shall call this CI-procedure the standard view.

In this section, I shall first give the philosophical reasons why I do not relate the standard interpretation to Kant. Scholars are so familiar with the standard CI-procedure that I first have to explain why I do not follow it. For over 200 years Kant scholars have tried to defend the method and make it work. I am not claiming that it cannot be made to work. But I am not aware of an interpretation that yields plausible results, and it is important to note that Kant scholars who want the procedure to work mostly reject it (cf. Wood, 1999, pp. 82-110; Parfit, 2011, pp. 275-338; Allison, 2011, p. 186; Gillissen, 2014). This is for different reasons, but there are three main issues that are often identified:

(1) The procedure seems unreliable in that it rules out too much as well as too little. On the one hand, the procedure seems to rule out morally neutral or even praiseworthy actions. For instance, if your maxim is to become a medical doctor, it seems that not everyone can have this maxim. Otherwise, there would be no farmers to grow food and no police to keep the peace. So, even praiseworthy maxims fail the

³ Gillissen дает исчерпывающий их обзор (Gillissen, 2014).

³ Gillissen (2014) provides a comprehensive overview.

тация, которая давала бы правдоподобные результаты, к тому же важно отметить, что исследователи Канта, желающие, чтобы эта процедура работала, чаще всего отвергают ее (Wood, 1999, p. 82–110; Parfit, 2011, p. 275–338; Allison, 2011, p. 186; Gillessen, 2014). Это обусловлено разными причинами, но чаще всего выявляются три основные проблемы:

(1) Данная процедура кажется ненадежной, поскольку она исключает как слишком много, так и слишком мало. С одной стороны, она исключает морально нейтральные или даже похвальные действия. Например, если ваша максима — это стать врачом, то, кажется, не все могут иметь такую максиму. В противном случае не было бы ни фермеров, чтобы выращивать еду, ни полицейских, чтобы охранять порядок. То есть даже самые похвальные максимы не проходят проверку. Представьте, что вы — ученый-медик, способный найти лекарство от смертельной болезни. Ваша максима — отказаться от деторождения, чтобы направить все свое время на защиту человеческого будущего. Но если бы каждый руководствовался такой максимой, ни у кого не было бы детей и у человечества не было бы будущего.

С другой стороны, стандартная процедура, как представляется, также исключает и слишком малое. Например, если ваша максима состоит в том, что вы, Поль Т. из Питтсбурга, в такой-то день хотите убить Бетти П., то противоречия или проблемы универсализации не возникает, поскольку максима применима только к данному конкретному случаю. Таким образом, очень специфические максимы, относящиеся к конкретному человеку в определенный момент времени, могут быть универсализированы без противоречий. В этом случае процедура не сможет исключить максимы, которые оказываются морально неприемлемыми.

(2) Другое распространенное возражение состоит в том, что метод Канта — в случае его успеха — будет излишне строгим. Например, если он исключает возможность давать ложные обещания или лгать, то это подразумевает, что

test. Imagine that you are a medical researcher who might find the cure for a deadly disease. Your maxim is to forgo having children to dedicate your time to securing the future of humanity. But if everyone had this maxim, no one would have children, and there would be no future for humanity.

On the other hand, the standard procedure also seems to rule out too little. For instance, if your maxim is that you, Paul T. from Pittsburgh, on this day, want to murder Betty P., there is no contradiction or universalisation problem since the maxim applies only to this one case. So, very specific maxims that identify a specific person at one time could be universalised without contradiction. In this way, the procedure could fail to rule out maxims that do seem to be morally impermissible.

(2) Another common objection is that Kant's method — if it succeeds — would be too strict. If it rules out a maxim to make a false promise or to lie, for instance, this seems to imply that lying is always wrong. But ordinarily we believe that there are cases where lying could be allowed or even the right thing to do. This includes holding a surprise birthday party for a friend and tricking her to get to the venue so as not to spoil the surprise. Lying might be innocent, but we sometimes believe that it can also be the right thing to do. The famous case is if a murderer comes to your door and asks you whether your friend is home (*cf.* *VRML*, AA 08, pp. 425-430; Kant, 1996d, pp. 611-615). Would lying not be the right thing to do if you can thereby save your friend's life? If the standard procedure determines that lying is (always) wrong, it seems inflexible and too rigorist.

(3) In addition, it is also not clear why the standard CI-procedure identifies a moral failure. If it tries to identify a contradiction, there are many areas in life where one could commit

лгать всегда плохо. Но, как правило, мы считаем, что есть случаи, в которых ложь может быть допустимой или даже оправданной — к примеру, если вы устраиваете вечеринку-сюрприз на день рождения друга и обманом заманиваете его на встречу, чтобы не испортить сюрприз. Ложь может быть невинной, но порой мы верим, что она также может быть правильным поступком. Самый известный случай — если убийца приходит к вам и интересуется, дома ли ваш друг (AA 08, S. 425–430; Кант, 1994в, с. 258). Разве не будет правильным солгать, если вы сможете спасти тем самым жизнь своему другу? Если стандартная процедура определяет, что ложь (всегда) неправильна, она кажется негибкой и слишком ригористичной.

(3) Кроме того, неясно, почему стандартная процедура КИ выявляет моральную ошибку. Если она стремится обнаружить противоречие, то в жизни существует множество областей, где можно допустить противоречие, но оно не является моральным проступком. Например, человек может допустить ошибку в тесте по математике или логике или стремиться к двум несовместимым целям, таким как повышение зарплаты и увеличение времени, проведенного с семьей. Так что само по себе противоречие, как представляется, не идентифицирует моральную ошибку. Стандартная точка зрения хвалится тем, что не предполагает никаких существенных ценностей, а просто опирается на рациональность (Gillessen, 2014, S. 419). Но если это рациональная и неморальная процедура, то почему она может привести к моральным результатам (Shafer-Landau, 2003, p. 42–44)? Так, если ваше действие нерационально, поскольку вы не получаете желаемого, это не обязательно свидетельствует о моральном провале.

Некоторые из этих проблем могут быть сглажены, если выдвинуть особые требования к тому, что можно считать максимой агента (см.: Höffe, 1979, S. 90–91; O'Neill, 1989, p. 83–89). Однако даже в этом случае остается проблема, сможем ли мы найти нужный уровень обобще-

а contradiction, but it is not morally wrong. For instance, one might make a mistake on a maths or logic test, or one could pursue two incommensurable ends, such as getting a raise and spending more time with one's family. So, by itself, a contradiction does not seem to identify a *moral* failure. The standard view prides itself in not presupposing any substantive values, but merely relying on rationality (cf. Gillessen, 2014, p. 419). But if it is a rational and non-moral procedure, why should it yield moral results (cf. Shafer-Landau, 2003, pp. 42–44)? For instance, if your action is not rational because you are not getting what you want, this does not necessarily indicate a moral failure.

Some of these problems might be mitigated if one puts special requirements on what could count as an agent's maxim (cf. Höffe, 1979, pp. 90–91; O'Neill, 1989, pp. 83–89). However, even then the challenge remains whether we find the right level of generality. If maxims are very general rules, such as 'help others,' then the procedure might be unable to generate any concrete guidance such as 'keep six feet of distance during the pandemic.' The procedure would be empty. If maxims are very specific and include information about the agent, such as 'I, Paul T. from Pittsburgh, on this day, in this town want to,' then there does not seem to be any contradiction in universalising the maxim. There is only one case, and the procedure would be useless.

One other worry is that focusing on maxims will make the procedure too relative and subjective. Depending on one's intention, the same observable behaviour might be morally right or wrong. I am not questioning that often we judge the quality of an agent's will or character by her intentions. Some actions might be wrong despite the agent having good intentions, and conversely some actions might

ния. Если максимы — это самые общие правила, такие как «помогать другим», то процедура может оказаться неспособной разработать конкретные рекомендации, вроде «соблюдать социальную дистанцию в полтора метра во время пандемии». Процедура окажется пустой. Если же максимы очень конкретны и содержат информацию об агенте, например «Я, Пол Т. из Питтсбурга, в такой-то день, в таком-то городе хочу сделать следующее», то в этом случае нет никакого противоречия в универсализации максимы. Существует только один случай, и процедура будет бесполезной.

Еще одно опасение заключается в том, что ориентация на максимы делает процедуру слишком относительной и субъективной. В зависимости от намерений человека одно и то же поведение, которое можно наблюдать, может быть морально правильным или неправильным. Я не сомневаюсь, что часто мы оцениваем качество воли или характера агента по его намерениям. Какие-то действия могут быть неправильными, несмотря на то что агент имеет благие намерения, и наоборот, какие-то действия могут быть правильными, даже если агент имеет корыстные намерения, как, к примеру, добросовестный купец, не завышающий цены для своих покупателей только для того, чтобы сохранить репутацию (AA 04, S. 397; Кант, 1997а, с. 71). Последний пример показывает, что намерение и правильное действие могут расходиться. Действия такого торговца заслуживают «похвалы и поощрения» (AA 04, S. 398; Кант, 1997а, с. 75), даже если у продавца нет правильной максимы. Это говорит о том, что нам не нужен моральный критерий, чрезмерно зависящий от качества воли агента.

Итак, я не утверждаю, что стандартную интерпретацию невозможно заставить работать, но как преодолеть возникающие трудности — неочевидно, и я не слышал, чтобы это было сделано. Позже (в разделе 4) я буду утверждать, что тексты Канта предоставляют нам альтернативную интерпретацию, способную гораздо лучше справиться с этими проблемами.

be right although the agent has self-serving intentions — such as an honest shopkeeper who does not overcharge his customers just so that he can keep a reputation (*cf.* *GMS*, AA 04, p. 397; Kant, 1996a, p. 53). What the latter example brings out is that one's intention and the right action can diverge. The shopkeeper's action deserves "praise and encouragement" (*GMS*, AA 04, p. 398; Kant, 1996a, p. 53), even though he does not have the right maxim. This suggests that we do not want a moral criterion that is too dependent on the quality of the agent's will.

So, I am not claiming that the standard interpretation cannot be made to work, but it is not obvious how to overcome the challenges, and I am not aware that it has been done. Later (in Section 4) I shall argue that Kant's texts give us an alternative interpretation that can deal much better with these problems.

Section 3:

The Formula of Humanity as a Criterion

The perceived failures of the standard method of deriving duties from Kant's Categorical Imperative make the Formula of Humanity the more attractive. The command not to use people merely as a means resonates with our desire not just to be an instrument for someone else's will. The formula also seems to provide a substantive matter, the value of humanity that should be protected and promoted. It is therefore not surprising that Kant scholars as well as contemporary ethics specialists focus mainly on this formula of Kant's ethics.

However, is the Formula of Humanity really a reliable guide? What exactly does it command one to do and to refrain from doing? One clear interpretation of the formula says that, in order to treat someone merely as a means, an action has to fulfill three conditions: (1) the other is a

3. Формула человечности как критерий

Очевидные неудачи стандартного метода выведения обязанностей из категорического императива Канта делают формулу человечности еще более убедительной. Повеление не использовать человека только как средство резонирует с нашим желанием не быть просто инструментом для исполнения чужой воли. Кроме того, кажется, что в этой формуле заложена существенная тема — ценность человечности, которую следует защищать и поощрять. Поэтому неудивительно, что исследователи Канта, равно как и современные этики, сосредоточены в основном на этой формуле кантовской этики.

Но действительно ли «формула человечности» является надежным ориентиром? Что именно она предписывает делать и от чего воздерживаться? Одна из ясных интерпретаций формулы такова: чтобы относиться к кому-то просто как к средству, действие должно удовлетворять трем условиям: (1) другой — это необходимое средство для достижения целей агента; (2) агент относится к другому только как к средству и (3) при этом не обращает должного внимания на согласие со стороны этого другого (см.: Parfit, 2011, p. 212–232; Kleingeld, 2020).

Существуют общие сомнения относительно того, может ли такая интерпретация быть высшим моральным принципом Канта и «верховным ограничительным условием» нашей свободы (AA 04, S. 430–431; Кант, 1997а, с. 175). Дело в том, что, будучи высшим моральным законом, он должен охватывать *все* возможные случаи и не может быть приостановлен или заменен другим моральным правилом. Однако интерпретация кантовской формулы человечности, похоже, не охватывает всех случаев.

Как и стандартная интерпретация основной формулировки, формула человечности (в данной интерпретации), похоже, исключает слишком многое и слишком малое. Напри-

causal means to the agent's ends. (2) The agent regards the other merely as a tool, and (3) in so doing does not pay due regard to the patient's consent (cf. Parfit, 2011, pp. 212-232; Kleingeld, 2020).

There are general concerns about whether this interpretation could be Kant's highest moral principle and the "supreme limiting condition" of our freedom (cf. *GMS*, AA 04, pp. 430-431; Kant, 1996a, p. 81). The reason is that as the supreme moral law it should cover *all* cases and not be suspended or superseded by another moral rule. But the interpretation of Kant's Formula of Humanity does not seem to cover all cases.

Like the standard interpretation of the main formulation, the Formula of Humanity (so interpreted) seems to rule out both too much and too little. For instance, someone might fulfil all three conditions but still act correctly. Imagine an egoist who just gives CPR to a person in need because he sees that there are TV cameras and he wants to be famous (cf. Kleingeld, 2020, pp. 407-408). In this case, the patient is (1) a causal means to the agent's end (to get on TV), (2) the egoist does regard the patient merely as a tool, and (3) the egoist does not pay attention to the victim's consent (maybe the victim is unconscious). According to the interpretation, the egoist treats the patient merely as a means, but we would not say that he *acts* incorrectly. He should save the patient's life.

This is not a peculiar or isolated case. The egoist shopkeeper who charges his customers honestly just so that his business profits fit the same pattern. There are therefore a myriad possible cases where the Formula of Humanity would rule out too much and give the wrong result.

Conversely, there also seem to be immoral cases which the Formula of Humanity (so interpreted) would not rule out. The reason is that

мер, кто-то может соблюдать все три условия, но при этом поступать правильно. Представьте себе эгоиста, который делает сердечно-легочную реанимацию нуждающемуся человеку только потому, что видит телекамеры и хочет прославиться (Kleingeld, 2020, p. 407–408). В этом случае пациент является (1) каузальным средством для достижения цели агента (попасть на телевидение), (2) эгоист относится к пациенту просто как к инструменту и (3) он не обращает внимания на согласие пострадавшего (возможно, последний не находится в сознании). Согласно этой интерпретации, эгоист относится к пациенту лишь как к средству, но мы бы не сказали, что он *поступает* неправильно. Он должен спасти пострадавшему жизнь.

Это не какой-то особый или единичный случай. Эгоист-торговец, который берет с покупателей честную плату только для того, чтобы его бизнес приносил прибыль, будет подходить под ту же схему. Следовательно, существует огромное количество возможных случаев, когда формула человечности исключает слишком многое и дает неверный результат.

С другой стороны, есть и аморальные случаи, которые формула человечности (в данной интерпретации) не исключает. Это объясняется тем, что существуют другие способы плохого обращения с людьми и неуважения к ним, нежели просто отношение к ним как к средству. Например, если вы безрассудно ведете машину, вы можете сбить невинных прохожих. Однако эти люди не являются средством достижения вашей цели. Их присутствие необязательно. Другими словами, есть и другие, худшие способы обращения с людьми. Как говорит Парфит: «Хотя Гитлер относился к славянам на завоеванных им восточных территориях только как к средству, он совсем не так относился к евреям» (Parfit, 2011, p. 228).

И снова можно попытаться изменить интерпретацию, чтобы формула человечности могла охватить все случаи. Одним из решений мо-

there are other ways of mistreating and disrespecting human beings than treating them merely as a means. For instance, if you drive a car recklessly, you might hit innocent bystanders. But these people are not a means to your end. You do not need them to be there. In other words, there are other and worse ways to treat people. As Parfit says: “Though Hitler treated the Slavs in his conquered Eastern territories as a mere means, that is not how he treated the Jews” (Parfit, 2011, p. 228).

Again, one can try to change the interpretation so that the Formula of Humanity can cover all cases. One solution is to supplement the requirement to never use someone merely as a means with the requirements of never treating them as mere things or enemies (*cf.* Sticker, 2021; Mieth and Rosenthal, 2022). Another option is to cover cases like reckless driving under the second part of the formula and say that the agent does not treat the innocent bystanders as ends in themselves (*cf.* Wood, 1998, p. 143). However, each of these views generates further challenges (*cf.* Sensen, 2021).

For instance, supplementing the demand not to use others merely as a means with further requirements still places the emphasis on the agent’s intention. The same observable behaviour could be a case of treating someone as means, thing, or enemy. However, as before, the agent can have a good intention but act incorrectly. Imagine that you visit a foreign culture. You might have great respect for its people, but – unbeknownst to you – your behaviour is very disrespectful. Conversely, someone could have a bad will but still act correctly. This, for instance, is a criminal who happens to treat people in the right way (*cf.* Parfit, 2011, p. 216).

Further, if one emphasises the requirement to treat others as ends in themselves, it is not clear what this entails. For instance, if someone at the end of their life requests euthanasia, do

жет быть дополнение требования никогда не использовать человека только как средство требованиями никогда не относиться к нему только как к вещи или врагу (Sticker, 2023; Mieth, Rosenthal, 2022). Другой вариант — подвести такие случаи, как неосторожное вождение, под вторую часть формулы и сказать, что агент не рассматривает невинных прохожих как цель саму по себе (Wood, 1998, p. 143). Однако каждая из этих точек зрения порождает дополнительные проблемы (Sensen, 2021).

Например, если дополнить требование не использовать других только как средство иными требованиями, то акцент все равно будет поставлен на намерении агента. Аналогичное наблюдаемое поведение может быть и в случае отношения к кому-то как к средству, вещи или врагу. Однако, как и в предыдущем случае, агент может иметь хорошее намерение, но действовать неправильно. Представьте, что вы приехали в другую страну. Вероятно, вы с большим уважением относитесь к ее жителям, но, сами того не подозревая, можете вести себя весьма неуважительно. И наоборот, человек может иметь плохие намерения, но при этом действовать правильно. Например, преступник, который по случайности обращается с людьми надлежащим образом (Parfit, 2011, p. 216).

Далее, если подчеркнуть необходимость относиться к другим как к цели самой по себе, то не совсем понятно, что это означает. Например, если кто-то в конце жизни просит об эвтаназии, уважаете ли вы человека, если прекращаете его жизнь, или цените его жизнь, сохраняя ее даже вопреки его желанию? Это не означает, что формула человечности не является этическим принципом или не имеет существенного значения, но сама по себе она не позволяет понять, что именно в ней утверждается.

Пока у нас нет единой интерпретации формулы, являющейся надежным руководством к действию, формула также не может дать нам надежной процедуры для выработки новых ковидных правил. Да, мы должны всегда относиться к другим как к цели самой по себе, но

you respect the person if you end their life, or do you value their life by preserving it, even against the patient's wish? This does not mean that the Formula of Humanity is not an ethical principle or inconsequential, but by itself it is not clear what it says.

Until we have an agreed interpretation of the formula that is a reliable guide, the formula might also not give us a sure procedure to provide new Covid rules. Yes, we should treat others always as ends in themselves, but does this mean having social contact or keeping distance? If so, how many people can be in a small room at the same time?

Section 4: An Alternative Reading

As intuitive as the Formula of Humanity is, it might not be an immediate help in providing specific Covid rules. Kant himself prefers the main formulation of the Categorical Imperative. He does not only intend the Formula of Humanity to be “at bottom the same as the basic principle” (GMS, AA 04, pp. 437-438; Kant, 1996a, p. 87), but he also recommends: “one does better always to proceed in moral *appraisal* by the strict method and put at its basis the universal formula of the categorical imperative: *act in accordance with a maxim that can at the same time make itself a universal law*” (GMS, AA 04, pp. 436-437; Kant, 1996a, p. 86). This brings us back to square one.

In this section, I shall argue that Kant knows and puts forth our contemporary procedure.⁴ In his earliest writings on moral philosophy he mentions the need for including knowledge about human nature. In his announcement of a lecture on moral philosophy (1765), he says: “In the doctrine of virtue I shall always begin by considering [...] the unchanging *nature* of man”

⁴ For a fuller defense of this claim see Sensen (2022).

означает ли это, что необходимо поддерживать социальный контакт или держать дистанцию? Если да, то сколько человек может одновременно находиться в небольшом помещении?

4. Альтернативное прочтение

Как бы интуитивно ни была понятна формула человечности, она не сразу поможет выработать конкретные правила для ситуации ковида. Кант сам отдает предпочтение основной формулировке КИ. Он не только стремится считать формулу человечности «в сущности тем же, что и принцип» (AA 04, S. 437–438; Кант, 1997а, с. 197), но также советует: «лучше в нравственной оценке поступать всегда по строжайшей методе и класть в основу всеобщую формулу категорического императива: *поступай по такой максиме, которая в то же время может сама сделаться всеобщим законом*» (AA 04, S. 436–437; Кант, 1997а, с. 193). Это возвращает нас к исходной точке.

В этом разделе я буду утверждать, что Кант владеет современной процедурой и излагает ее⁴. В своих ранних работах по моральной философии он упоминает о необходимости учитывать знания о человеческой природе. В своем уведомлении к лекциям по моральной философии (1765) он говорит: «...в учении о добродетели я всякий раз рассматриваю... *природу* человека, которая всегда остается той же» (AA 02, S. 311; Кант, 1994д, с. 199–200; перевод уточнен. — *Ред.*). Он также подтверждает это на протяжении всех своих лекций. Например, он говорит: «Всегда проповедуется, что должно произойти, и никто не задумывается о том, может ли это произойти» (AA 27, S. 244).

Более того, Кант также прямо упоминает современный метод: «...должны существовать правила, в соответствии с которыми мои поступки общезначимы, и эти правила вытекают из всеобщих целей людей, и им должны соответствовать наши действия; это и есть мораль-

(NEV, AA 02, p. 311; Kant, 1992, p. 298). He further confirms it throughout his lectures. For instance, he says: “People are always preaching about what ought to be done, and nobody thinks about whether it can be done” (*V-Mo/Collins*, AA 27, p. 244; Kant, 1997a, p. 42).

What is more, Kant also explicitly mentions the contemporary method: “There must therefore be rules whereby my actions hold good universally, and these are derived from the universal ends of mankind, and by them our actions must agree; and these are moral rules” (*V-Mo/Collins*, AA 27, p. 258; Kant, 1997a, p. 52). Here, Kant mentions all three elements of the contemporary method: (1) We start with an account of universal human ends. (2) We then derive universal rules from these ends, i.e. these are rules that protect or promote these ends. (3) Our actions should not violate, but agree with these ends.

But, of course, one may object that Kant’s early ethics is not fully the same as he presents it in the *Groundwork* and from 1785 onwards.⁵ Kant’s early ethics is more based on sentiment, one may say (*cf. V-PP/Herder*, AA 27, pp. 8, 4; Kant, 1997b, pp. 3-4), but later it must be pure and free of empirical claims. In this sense, Kant seems to say: “But such a completely isolated metaphysics of morals, mixed with no anthropology [...] is [...] an indispensable substratum of all theoretical and surely determined cognition of duties” (*GMS*, AA 04, p. 410; Kant, 1996a, p. 64). A quotation like this might make it seem as if after 1785 one can derive duties from the supreme moral principle alone.

However, if we look more closely, we will see that Kant distinguishes the grounding of the supreme moral law (its justification or origin) from applying it to concrete cases (*cf. Herman*, 1993, pp. 59-60). His aim in the

⁴ Более подробную защиту этого утверждения см.: (Sensen, 2022).

⁵ For a developmental sketch see Bacin and Sensen (2018).

ные правила» (AA 27, S. 258). Здесь Кант упоминает все три элемента современного метода. (1) Сначала мы рассматриваем универсальные человеческие цели. (2) Затем из этих целей мы выводим универсальные правила, то есть правила, которые защищают или содействуют этим целям. (3) Наши действия должны не нарушать, а соответствовать этим целям.

Но, конечно, можно возразить, что ранняя этика Канта не полностью соответствует тому, что он излагает в «Основоположении...» и далее, начиная с 1785 г.⁵ Ранняя этика Канта в большей степени опирается на чувства, если так можно выразиться (AA 27, S. 8, 4), но затем она должна стать чистой и свободной от эмпирических утверждений. В этом смысле Кант как бы говорит: «Но такая вполне изолированная метафизика нравов, не смешанная ни с какой антропологией... есть... неотъемлемо требуемый субстрат всего теоретического, надежно определенного познания обязанностей» (AA 04, S. 410; Кант, 1997а, с. 111–113). Подобная цитата создает впечатление, что после 1785 г. обязанности могли быть выведены исключительно из высшего морального принципа.

Однако если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что Кант отличает основание высшего морального закона (его обоснование или происхождение) от применения его к конкретным случаям (см.: Herman, 1993, p. 59–60). Его целью в «Основоположении...» является лишь «отыскание и утверждение» высшего морального принципа (AA 04, S. 392; Кант, 1997а, с. 55). Таким образом, мы должны отделить чистое обоснование закона от эмпирически обоснованного применения его к конкретным людям: «...мы часто должны будем брать в качестве объекта особую природу человека, которую можно познать только из опыта, дабы на этом примере *показать* последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов» (AA 06, S. 217; Кант, 1994б, с. 238).

⁵ О развитии см.: (The Emergence of Autonomy, 2018).

Groundwork is only the “search for and establishment of” the supreme principle of morality (GMS, AA 04, p. 392; Kant, 1996a, p. 47). So, we have to separate the pure grounding of the law from the empirically informed application of it to human beings: “we shall often have to take as our object the particular *nature* of human beings, which is cognized only by experience, in order to *show* in what can be inferred from universal moral principles” (MS, AA 06, p. 217; Kant, 1996c, p. 372).

Even in the *Groundwork*, just after emphasising the need for a pure metaphysics of morals, Kant confirms that deriving duties requires empirical knowledge of human beings. He defines such a body of knowledge as anthropology, i.e. the “doctrine of the knowledge of the human being, systematically formulated” (Anth, AA 07, p. 119; Kant, 2007, p. 231). In the *Groundwork*, Kant confirms that deriving duties belongs to “the whole of morals, which needs anthropology for its *application* to human beings” (GMS, AA 04, p. 412; Kant, 1996a, p. 65). Even in his mature moral philosophy after 1785, Kant does not deny the need for empirical knowledge but upholds it: “a metaphysics of morals cannot be based upon anthropology but can still be applied to it” (MS, AA 06, p. 217; Kant, 1996c, p. 372).

So, in short, the standard view excludes anthropology and cultural knowledge in deriving concrete duties because of Kant’s statements on how the supreme moral principle itself is grounded. But Kant separates grounding and application of the law.

What this means is that Kant himself admits that *by itself* the Categorical Imperative is empty and devoid of content. He says that from “the law [...] *in genere*, no rule of dutiful action can then itself be determined, because this belongs to the matter” (V-MS/Vigil, AA 27, p. 578; Kant, 1997c, p. 329). Terms like ‘empty’, ‘form’ and ‘matter’ are all concepts that Kant himself

Уже в «Основоположении...», подчеркивая необходимость чистой метафизики морали, Кант подтверждает, что выведение обязанностей предполагает эмпирическое знание о человеке. Он определяет такую совокупность знаний как антропологию, то есть «Систематически изложенное учение, предлагающее знание о человеке» (AA 07, S. 119; Кант, 1994а, с. 138). В «Основоположении...» Кант утверждает, что установление обязанностей относится к изложению всей морали, «которая для своего применения к людям нуждается в антропологии» (AA 04, S. 412; Кант, 1997а, с. 115). Даже в своей зрелой моральной философии после 1785 г. Кант не отрицает необходимости эмпирического знания, а, наоборот, настаивает на ней: «...метафизика нравов не может основываться на антропологии, однако может быть применена к ней» (AA 06, S. 217; Кант, 1994б, с. 238).

Итак, стандартная трактовка исключает антропологию и знание о культуре при установлении конкретных обязанностей из-за высказываний Канта об обосновании высшего морального принципа. Но сам Кант разделяет обоснование и применение закона.

Это значит, что сам Кант допускает, что сам по себе категорический императив является пустым и лишенным содержания. Он заявляет, что из «закона... *in genere*, никакое правило обязательного поступка не может быть тогда определено само по себе, поскольку оно принадлежит материи» (AA 27, S. 578). Термины «пустота», «форма» и «материя» — все это понятия, которые использует сам Кант. И, как известно, в своей теоретической философии он утверждает, что любое конкретное познание нуждается как в форме, так и в содержании: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания понятий слепы» (A 51 / B 75; Кант, 2006, с. 139). Важно отметить, что он также поддерживает это в своей практической философии и в конкретном понимании долга.

employs. And, famously, Kant says in his theoretical philosophy that any concrete cognition needs both, form and matter: “Without sensibility no object would be given to us, and without understanding none would be thought. Thoughts without content are empty, intuitions without concepts are blind” (*KrV*, A 51 / B 75; Kant, 1998, pp. 193-194). The important point is that he also endorses this for his practical philosophy and concrete cognition about what one’s duty is.

In this respect it is important to note that we find this method also in his ethical writings after 1785. For instance, in his lectures Kant specifies the moral requirement as: “1. So act, that the maxim of your action may be a rule for everyone, in regard to the ends of your humanity; and 2. In regard to the ends that can be attributed to all men” (*V-MS/Vigil*, AA 27, p. 544; Kant, 1997с, p. 301). Kant derives mid-level rules from universal ends and says that one should not make an exception to those.

The exception can also be expressed as a contradiction between my will and the general will (*cf.* Hruschka, 1992; Kleingeld, 2017): “An action considered from the point of view of the universal will of human beings, if it contradicts itself, is morally impossible (impermissible). [...] The will of human beings would contradict itself if it willed that which it abhors with the universal will” (*BBGSE*, AA 20, pp. 161; Kant, 2005, p. 21; translation modified — O. S.). But notice that the procedure is different than the standard question: ‘What if everyone?’ Instead, the contradiction is between my will and already established general laws of a universal will.

In a more hidden way, he also states this method in the *Groundwork* itself. For instance, he says: “If we now attend to ourselves in any transgression of duty, we find [...] a contradiction in our own will, namely that a certain principle be objectively necessary as a univer-

В связи с этим необходимо отметить, что мы обнаруживаем этот метод и в его этических трудах после 1785 г. Например, в своих лекциях Кант определяет моральное предписание так: «1. Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла быть правилом для каждого, в свете целей твоей человечности; и 2. в свете целей, которые могут быть отнесены ко всем людям» (AA 27, S. 544). Кант выводит правила среднего уровня из всеобщих целей и говорит, что из них нельзя делать исключений.

Исключение можно выразить и как противоречие между моей волей и общей волей (см.: Hruschka, 1992; Kleingeld, 2017): «Действие, рассматриваемое с точки зрения всеобщей человеческой воли, если оно противоречит самому себе, морально невозможно (недопустимо). <...> Человеческая воля впала бы в противоречие с самой собой, если бы она желала противного всеобщей воле» (AA 20, S. 161). Но обратите внимание, что процедура отличается от стандартного вопроса: «А что, если каждый?» Вместо этого выявляется противоречие между моей волей и уже установленными общими законами универсальной воли.

В более скрытой форме он излагает этот метод и в самом «Основоположении...». Например, он пишет: «Если при каждом нарушении долга мы будем обращать внимание на самих себя, то мы... открыли бы в нашей собственной воле противоречие, состоящее в том, что известный принцип должен быть объективно необходим, как всеобщий закон, и тем не менее субъективно не должен иметь всеобщей значимости, но допускать исключения» (AA 04, S. 424; Кант, 1997а, с. 153–155). В этом отрывке содержится требование не делать исключений из необходимых правил среднего уровня. Разумеется, Кант не упоминает здесь о всеобщих человеческих целях, но они подразумеваются, если следовать примеру, почему мы считаем определенные принципы объективно необходимыми. Я уже отмечал, что из пустого формального принципа нельзя вывести правила среднего уровня сами по себе. Более того, лю-

sal law and yet subjectively not hold universally but allow exceptions” (GMS, AA 04, p. 424; Kant, 1996a, pp. 75-76). This passage states the demand not to make exceptions to necessary mid-level rules. Admittedly, Kant does not mention universal human ends in this passage, but they are implicit if one follows the lead of why we would think that certain principles are objectively necessary. I have already argued that one does not derive the mid-level rules out of the empty, formal principle by itself. Further, any principle that would just be based on experience would not be necessary. This is because experience does not yield necessity or universality: “Experience teaches us, to be sure, that something is constituted thus and so, but not that it could not be otherwise” (*KrV*, B 3; Kant, 1998, p. 137). Only reason can generate necessity: “Necessity and strict universality are therefore secure indications of an *a priori* cognition” (*KrV*, B 4; Kant, 1998, p. 137). In this case, reason is needed to find the means to our ends: “reason alone is capable of discerning the connection of means with their purposes” (*KpV*, AA 05, p. 58; Kant, 1996b, p. 187).

But the connection between mid-level rules and universal human ends is also explicitly stated in Kant’s examples themselves. For instance, Kant says: “There are impulses of nature having to do with man’s **animality**. Through them nature aims at a) his self-preservation, b) the preservation of the species, and c) the preservation of his capacity to enjoy life, though this on the animal level only” (MS, AA 06, p. 420; Kant, 1996c, p. 545). In deriving concrete duties, Kant refers to universal human ends. There are universal ends that we receive from our animal nature, but Kant does not only refer to these but distinguishes “animality, humanity, and personality” (cf. *RGV*, AA 06, pp. 26-28; Kant 2001, pp. 74-76). Each of these aspects brings with it specific ends. For

бой принцип, который просто основывался бы на опыте, не был бы необходимым. Это происходит потому, что опыт не обеспечивает необходимости или универсальности: «Опыт, правда, учит нас, что нечто обладает теми или иными свойствами, но не потому, что это нечто не может быть чем-то иным» (В 3; Кант, 2006, с. 53). Только разум может создавать необходимость: «Необходимость и строгая всеобщность суть верные признаки познания *a priori*...» (В 4; Кант, 2006, с. 55). В этом случае разум необходим, чтобы находить средства для достижения наших целей: «только разум в состоянии усмотреть связь средств с их целями» (AA 05, S. 58; Кант, 1997б, с. 427).

Но связь между правилами среднего уровня и всеобщими человеческими целями явно прослеживается и в самих примерах Канта. Например, Кант говорит: «Естественные побуждения, относящиеся к **животной природе** человека, суть: а) побуждение, через которое природа преследует цель самосохранения, б) побуждение, через которое она преследует цель сохранения рода, в) сохранение собственной способности к приятному, но все же лишь животному наслаждению жизнью» (AA 06, S. 420; Кант, 1994б, с. 461). Выводя конкретные обязанности, Кант обращается к всеобщим человеческим целям. Существуют универсальные цели, доставшиеся нам от нашей животной природы, однако Кант не только ссылается на них, но и различает «животность, человечность, личность» (см.: AA 06, S. 26–28; Кант, 1994г, с. 25–26). Каждый из этих аспектов предполагает определенные цели. Например, в «Основоположении...» Кант отмечает: «...в человечестве ведь есть задатки к большему совершенству, которые входят в цель природы относительно человечества, представленного в нашем субъекте» (AA 04, S. 430; Кант, 1997а, с. 173).

Итак, отправной точкой метода Канта по выведению конкретных обязанностей являются всеобщие человеческие цели: «Точно так же как любовь к жизни предназначена от природы для сохранения отдельного *лица*, половая

instance, in the *Groundwork* Kant says: “there are in humanity predispositions to greater perfection, which belong to the end of nature with respect to humanity in our subject” (GMS, AA 04, p. 430; Kant, 1996a, p. 81).

So, the starting point of Kant’s method to derive concrete duties are universal human ends: “Just as love of life is destined to preserve the person, so sexual love is destined by it to preserve the species; in other words, each of these is a *natural end*” (MS, AA 06, p. 424; Kant, 1996c, p. 548). From a universal human end he then derives a mid-level rule, e.g. from his understanding that self-love propels towards the furtherance of one’s own life, Kant derives a rule not to commit suicide (cf. GMS, AA 04, p. 422; Kant, 1996a, p. 74). We therefore find our contemporary method in Kant’s texts and also in the mature writings of his moral philosophy after 1785.

Section 5:

Advantages of the Alternative Reading

The alternative reading is in a much better position to meet the challenges that are commonly raised against the standard reading:

(1) The alternative reading can come up with sophisticated mid-level principles. The question is not just whether one should not harm people but rather help them, but one can specify how many feet one should keep distant in case of a pandemic, or how many people can become medical professionals. The procedure does not rule out that anyone could become a medical doctor, and it does not allow very specific maxims to pass the test. If the mid-level rule is not to kill people (apart from self-defence or a just war), then it does not matter if your maxim is so specific that it only applies to one case of murder. With your maxim you try to make an exception to a necessary mid-level

любовь предназначена для сохранения *рода*; это означает, что каждая из них — *естественная цель*» (АА 06, S. 424; Кант, 1994б, с. 466). Из всеобщей человеческой цели он затем выводит правила среднего уровня, например из понимания того, что себялюбие побуждает к продлению собственной жизни, — правило не совершать самоубийства (АА 04, S. 422; Кант, 1997а, с. 146–147). Таким образом, мы обнаруживаем наш современный метод в кантовских текстах, да и в зрелых работах по моральной философии, написанных после 1785 г.

5. Преимущества альтернативной интерпретации

Альтернативная трактовка имеет гораздо больше возможностей для решения проблем, обычно выдвигаемых против стандартной интерпретации:

(1) Альтернативное прочтение позволяет разработать сложные принципы среднего уровня. Речь не только о том, что не следует причинять вред другим, а нужно помогать им, но и о том, на каком расстоянии друг от друга следует находиться в случае пандемии, или о том, сколько людей сможет работать в медицине. Эта процедура не предполагает, что любой человек может стать медиком, и не допускает, чтобы проверку прошли очень конкретные максимы. Если правило среднего уровня — не убивать людей (кроме случаев самозащиты или ведения справедливой войны), то не имеет значения, является ли ваша максима настолько конкретной, что она применима только к единственному случаю такого убийства. Своей максимой вы пытаетесь сделать исключение из необходимого правила среднего уровня («не убий»), которое защищает универсальные человеческие цели («выживание» и т. д.). Таким образом, альтернативная процедура гораздо лучше справляется с проблемой бессодержательности и ненадежности.

(2) Правила среднего уровня альтернативной процедуры не должны быть слишком

rule ('do not kill') that protects universal human ends (survival etc.). The alternative procedure, therefore, fares much better against the emptiness and unreliability challenges.

(2) The mid-level rules of the alternative procedure do not have to be too strict or too vague. The rules do not have to say that one always has to wear a mask during a pandemic or never has to. It can come up with very nuanced and sophisticated rules in which cases one should or need not wear a mask. It can specify how many people can share a confined space without spreading the pandemic. The alternative procedure can avoid the charge that Kant's method is too strict or rigorist.

(3) The alternative procedure also can more plausibly explain why we think it is a moral procedure. If the mid-level rules are set up to protect universal human ends, but we try to make an exception to them for ourselves (without overriding reason), then we try to be a free rider (*cf.* O'Neill, 1989, p. 110). Rules are valid for thee, but not for me. We consider this to be unfair and immoral (*cf.* Korsgaard, 1996, p. 95).

Finally, the alternative procedure is also not dependent upon the particular formulation of the agent's maxim. According to the standard procedure, the same observable behaviour could be morally right or wrong, depending on the maxim. This would make it hard to judge a behaviour. The alternative procedure just needs to establish whether the observable behaviour violates the mid-level rule.

Conclusion

Admittedly, the alternative procedure is not as clearly spelled out or reflected upon in Kant's texts as is necessary. If one just reads the *Groundwork* one is easily led to attribute the standard view to Kant. But we have seen that this view is full of problems and often reject-

строгими или слишком расплывчатыми. В них не должно быть указано, что во время пандемии всегда нужно носить маску или никогда не нужно. В них могут быть прописаны очень тонкие и сложные правила, в каких случаях нужно или не нужно надевать маску. Можно определить, сколько людей могут находиться в одном помещении, чтобы не распространять пандемию. Альтернативная процедура позволяет избежать обвинений в том, что метод Канта слишком строг или ригористичен.

(3) Альтернативная процедура также может более правдоподобно объяснить, почему мы считаем это моральным. Если правила среднего уровня установлены для защиты общечеловеческих целей, но мы пытаемся сделать из них исключение для себя (без веских причин), значит, мы пытаемся быть «безбилетниками» (см.: O'Neill, 1989, p. 110). Когда правила действуют «для тебя, но не для меня», мы считаем это несправедливым и аморальным (см.: Korsgaard, 1996, p. 95).

Наконец, альтернативная процедура также не зависит от конкретной формулировки максимы. Согласно стандартной процедуре, одно и то же наблюдаемое поведение может быть морально правильным или неправильным в зависимости от максимы. Это затрудняет оценку поведения. В альтернативной процедуре достаточно установить, нарушает ли наблюдаемое поведение правило среднего уровня.

Заключение

Разумеется, альтернативная процедура не так четко прописана и отражена в текстах Канта, как это было бы необходимо. Если просто прочитать «Основоположение...», то легко прийти к мысли, что Кант придерживается стандартной точки зрения. Но мы увидели, что эта точка зрения полна проблем и часто опровергается. С другой стороны, в текстах Канта есть и другая процедура, которая гораздо лучше соответствует тому, как мы в действительности разрабатываем новые моральные правила, например во время глобальной пандемии.

ed. On the other hand, Kant's texts also contain a different procedure that fits much better our way of providing new moral rules, e.g. during a global pandemic.

So it is understandable if one thinks that Kant's ethics is not relevant for our contemporary ethical problems such as a new pandemic. However, one also has good reasons to believe that Kant's ethics is exactly the guidance that we would need. Of course, Kant could not decide every future moral problem. He believes that we should follow science, but he did not have our contemporary science. Our science is still evolving and different cultures will weigh the elements differently.

At this point one could object that the alternative method, too, is empty. If the standard CI-procedure is unable to reliably derive concrete duties, so is the alternative method.⁶ This is correct to an extent. The difference is that the alternative method emphasises the need for culture, anthropology and empirical knowledge more generally. The standard procedure, by contrast, aims only to rely on the agent's maxim and the rational judgment of the individual. Ideally, it would work without any empirical content. The alternative method is only empty if one deprives it of the empirical knowledge it seeks.

But it is also true that Kant has not solved all future moral conflicts, and that we cannot just follow Kant's own rules (e.g. on sexuality, gender, and race). Kant's knowledge might be false or outdated. For instance, it seems that Kant had a view that every life has a certain sleep quantum that averages out at five hours per night (*cf. Anth*, AA 07, p. 166n; Kant, 2007, p. 276n). Our contemporary science tells us that this is not correct. So, the point is not to follow Kant's own moral guidelines, but the

⁶ I thank an anonymous reviewer for this journal for raising this helpful objection.

Вполне понятно, если кто-то считает, что этика Канта не имеет отношения к нашим современным этическим проблемам, таким как новая пандемия. Однако есть и веские основания полагать, что его этика — это именно то руководство, которое нам необходимо. Конечно, Кант не мог разрешить все будущие моральные проблемы. Он считал, что мы должны следовать достижениям науки, но у него не было современных научных знаний, к тому же наша наука продолжает развиваться, а разные культуры будут по-разному оценивать те или иные аспекты.

На это можно возразить, что альтернативный метод тоже пуст. Если стандартная процедура КИ не способна надежно выводить конкретные обязанности, то и альтернативный метод тоже⁶. В определенной степени это верно. Разница в том, что альтернативный метод акцентирует внимание на важности культуры, антропологии и эмпирического знания в целом. Стандартная процедура, напротив, направлена на то, чтобы просто полагаться на максимум агента и рациональное суждение человека. В идеале она должна работать без какого-либо эмпирического содержания. Альтернативный метод пуст только в том случае, если лишить его эмпирического знания, на которое он ориентирован.

Но так же верно и то, что Кант не мог разрешить все будущие моральные конфликты и что мы не можем слепо следовать его предписаниям (например, в вопросах сексуальности, пола и расы). Знания Канта могут быть ложными или устаревшими. Например, похоже, что Кант придерживался мнения, что каждая человеческая жизнь имеет определенный квант продолжительности сна, который в среднем составляет пять часов за ночь (см.: AA 07, S. 166, Anm.; Кант, 1994а, с. 167, примеч.). Современная наука говорит, что это не так. То есть дело не в том, чтобы следовать моральным предписани-

⁶ Я благодарю анонимного рецензента данного журнала за это ценное возражение.

rules of the latest science as well as our (respectful) cultural agreements. Kant also seems to (indirectly) acknowledge the influence of culture on moral rules when he talks about how the “esquimaux” treat their frail elderly members (cf. *V-Mo/Mron II*, AA 29, p. 622; Kant, 1997d, p. 241). Kant describes how they euthanise their frail elderly members because they cannot survive the harsh winter. Kant seems shocked by the practice, but also shows some understanding for it, given their difficult situation.

This openness of Kant’s method for new empirical knowledge is, I believe, a strength rather than a weakness of his account. Why should one expect that an eighteenth-century thinker has all the answers for every future moral problem? Every country and every generation has to work out its answers anew. But Kant’s alternative method does not only provide a framework for developing concrete moral solutions, it also empowers each generation to decide how they want to fill in the details within his framework of universal respect.

References

- Allison, H., 2011. *Kant’s Groundwork for the Metaphysics of Morals*. Oxford: Oxford University Press.
- Altman, M.C., 2022. Kant in the Time of Covid. *Kantian Journal*, 41(1), pp. 89-117.
- Bacin, S. and Sensen, O., eds. 2018. *The Emergence of Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beauchamp, T. and Childress, J., 1994. *Principles of Biomedical Ethics*. Fourth Edition. Oxford: Oxford University Press.
- Bentham, J., 1970. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Edited by J.H. Burns and L.H. Hart. London: The Athlone Press.
- Dürig, G. and Maunz, T., eds. 1958. *Grundgesetz. Kommentar*. Volume 1: Texte, Art. 1-5. München: Beck.
- Gillessen, J., 2014. *Was, wenn jeder ...?* Freiburg i.Br. & München: Alber.

ям самого Канта, а в том, чтобы следовать правилам новейшей науки и нашим (уважительным) культурным соглашениям. Кант также (косвенно) признает влияние культуры на моральные правила, когда рассуждает о способах обращения «эскимосов» с немощными стариками (АА 29, S. 622). Кант описывает, как они подвергают эвтаназии своих немощных стариков, потому что те не в состоянии пережить суровую зиму. Кант, видимо, шокирован этой практикой, но в то же время проявляет к ней некоторое понимание, учитывая сложную ситуацию, в которой живут эти люди.

Такая открытость метода Канта для новых эмпирических знаний, на мой взгляд, является скорее сильной, чем слабой стороной его подхода. С какой стати ожидать, что у мыслителя XVIII столетия найдутся ответы на все будущие моральные проблемы? Каждая страна и каждое поколение должны разрабатывать свои ответы заново. Но альтернативный метод Канта не только обеспечивает основу для разработки конкретных моральных решений, он также дает возможность каждому поколению решать, как именно они будут заполнять детали в рамках его концепции всеобщего уважения.

Список литературы

Альтман М. С. Кант во времена COVID // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 1. С. 89–117.

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. Б. Г. Капустина. М. : РОССПЭН, 1998.

Гегель. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной. М. : Мысль, 1990.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. Метафизика нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 8. С. 256–262.

Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 6. С. 5–223.

Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 гг. // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 2. С. 191–202.

Griffin, J., 2008. *On Human Rights*. Oxford: Oxford University Press.

Harsanyi, J., 1982. Morality and the Theory of Rational Behavior. In: A. Sen and B. Williams, eds. 1982. *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-62.

Hegel, G. W. F., 1991. *Elements of the Philosophy of Right*. Edited by A. W. Wood, translated by H. B. Nisbet. Cambridge: Cambridge University Press.

Herman, B., 1993. *The Practice of Moral Judgment*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Höffe, O., 1979. *Ethik und Politik*. Frankfurt: Suhrkamp.

Hruschka, J., 1992. Universalization and Related Principles. *Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 78, pp. 289-300.

Kant, I., 1992. M. Immanuel Kant's Announcement of the Programme of His Lectures for The Winter Semester 1765-1766. In: I. Kant, 1993. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Edited and translated by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 287-300.

Kant, I., 1996a. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43-108.

Kant, I., 1996b. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 1996c. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1996d. On a Supposed Right to Lie from Philanthropy. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 605-615.

Kant, I., 1997a. Moral Philosophy: Collins's Lecture Notes. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Edited by P. Heath and J. B. Schneewind; translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-222.

Kant, I., 1997b. Kant's Practical Philosophy: Herder's Lecture Notes (Selections). In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Edited by P. Heath and J. B. Schneewind; translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-36.

Kant I. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 1997а. Т. 3. С. 39–273.

Kant I. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 277–733.

Kant I. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Allison H. Kant's Groundwork for the Metaphysics of Morals. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Beauchamp T., Childress J. Principles of Biomedical Ethics. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 1994.

Gillessen J. Was, wenn jeder...? Freiburg i. Br. ; München : Alber, 2014.

Griffin J. On Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Grundgesetz. Kommentar / hrsg. von T. Maunz, G. Dürig et al. München : Beck, 1958. Bd. 1 : Texte, Art. 1–5.

Harsanyi J.C. Morality and the Theory of Rational Behavior // Utilitarianism and Beyond / ed. by A. Sen, B. Williams. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 39–62.

Herman B. The Practice of Moral Judgment. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993.

Höffe O. Ethik und Politik. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1979.

Hruschka J. Universalization and Related Principles // Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 1992. Vol. 78, №3. P. 289-300.

Kerstein S. How to Treat Persons. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Kleingeld P. Contradiction and Kant's Formula of Universal Law // Kant-Studien. 2017. Vol. 108, №1. P. 89–115.

Kleingeld P. How to Use Someone 'Merely as a Means' // Kantian Review. 2020. Vol. 25, №3. P. 389–414.

Korsgaard C. Creating the Kingdom of Ends. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

Mieth C., Rosenthal J. Blind Spots in the Formula of Humanity: What Does it Mean not to Treat Someone as an End? // Kant's Theory of Value / ed. by C. Horn, R. dos Santos. Berlin : de Gruyter, 2022. P. 89–104.

O'Neill O. Constructions of Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.

Parfit D. On What Matters. Oxford : Oxford University Press, 2011. Vol. 1.

Rawls J. Lectures on the History of Moral Philosophy / ed. by B. Herman. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000.

Sensen O. How to Treat Someone with Respect // Respect / ed. by R. Dean, O. Sensen. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 99–117.

Kant, I., 1997c. Kant on the Metaphysics of Morals: Vigilantius's Lecture Notes. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Edited by P. Heath and J. B. Schneewind; translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 249-452.

Kant, I., 1997d. Morality According to Prof. Kant: Mrongovius's Second Set of Lecture Notes (Selections). In: I. Kant, 1997. *Lectures on Ethics*. Edited by P. Heath and J. B. Schneewind; translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 223-248.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2001. *Religion within the Boundaries of Mere Reason*. In: I. Kant, 2001. *Religion and Rational Theology*. Edited and translated by A. W. Wood and G. di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-216.

Kant, I., 2005. Selections from the Notes on the Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. In: I. Kant, 2005. *Notes and Fragments*. Edited by P. Guyer; translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-24.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Louden. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kerstein, S., 2013. *How to Treat Persons*. Oxford: Oxford University Press.

Kleingeld, P., 2017. Contradiction and Kant's Formula of Universal Law. *Kant-Studien*, 108, pp. 89-115.

Kleingeld, P., 2020. How to Use Someone 'Merely as a Means'. *Kantian Review*, 25, pp. 389-414.

Korsgaard, C., 1996. *Creating the Kingdom of Ends*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mieth, C. and J. Rosenthal, 2022. Blind Spots in the Formula of Humanity: What Does it Mean not to Treat Someone as an End? In: C. Horn and R. dos Santos, eds. 2022. *Kant's Theory of Value*. Berlin: de Gruyter, pp. 89-104.

O'Neill, O., 1989. *Constructions of Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Parfit, D., 2011. *On What Matters. Volume 1*. Oxford: Oxford University Press.

Rawls, J., 2000. *Lectures on the History of Moral Philosophy*. Edited by B. Herman. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Sensen O. Universal Law and Poverty Relief // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2022. Vol. 26, №2. P. 177–190. <https://doi.org/10.1007/s10677-022-10281-0>.

Shafer-Landau R. *Moral Realism*. Oxford : Clarendon Press, 2003.

Sticker M. Poverty, Exploitation, Mere Things and Mere Means // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2023. Vol. 26. P. 191–207. doi: 10.1007/s10677-021-10238-9.

The Emergence of Autonomy / ed. S. Bacin, O. Sensen. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

Timmermann J. Kant's "Groundwork of the Metaphysics of Morals". Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tittel G. A. *Über Herrn Kant's Moralreform*. Frankfurt a/M ; Leipzig : Pfähler, 1786.

Wood A. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

Об авторе

Оливер Зензен, доктор философии, факультет философии, Тулейнский университет, Новый Орлеан, США.

E-mail: sensen@tulane.edu

О переводчике

Полина Руслановна Левин, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

Для цитирования:

Зензен О. Кант и этика COVID // *Кантовский сборник*. 2024. Т. 43, № 1. С. 103–127.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-5>

© Зензен О., 2024.

Sensen, O., 2021. How to Treat Someone with Respect. In: R. Dean and O. Sensen, eds. 2021. *Respect*. Oxford: Oxford University Press, pp. 99-117.

Sensen, O., 2022. Universal Law and Poverty Relief. *Ethical Theory and Moral Practice*, 26, pp. 177-190. <https://doi.org/10.1007/s10677-022-10281-0>.

Shafer-Landau, R., 2003. *Moral Realism*. Oxford: Clarendon Press.

Sticker, M., 2023. Poverty, Exploitation, Mere Things and Mere Means. *Ethical Theory and Moral Practice*, 26, pp. 191-207. <https://doi.org/10.1007/s10677-021-10238-9>.

Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tittel, G. A., 1786. *Über Herrn Kant's Moralreform*. Frankfurt am Main & Leipzig: Pfähler.

Wood, A., 1999. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

The author

Prof. Dr Oliver Sensen, Department of Philosophy, Tulane University, New Orleans, LA, USA.

E-mail: sensen@tulane.edu

To cite this article:

Sensen, O., 2024. Kant and Covid Ethics. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 103-127.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-5>

© Sensen O., 2024.